

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 82.091

DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-7-19

И. С. ТУРГЕНЕВ – РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ И ФРАНЦИИ

В. А. Доманский, О. Б. Кафанова

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург

Введение. Показана многогранная деятельность И. С. Тургенева как русского европейца, которая рассматривается с разных позиций: биографической, социальной, политической, философской, культурологической.

Цель – истолкование генезиса понятия «русский европеец» и его бытования в русской культуре, исследование роли писателя в российско-европейском культурном трансфере с привлечением его биографии, общественной, переводческой деятельности и художественного творчества.

Материал и методы. Исследование осуществлялось посредством использования комплексного подхода к анализу социально-культурных явлений и обеспечивалось системой методов: биографический, историко-литературный, историко-функциональный, культурно-исторический и сравнительно-типологический.

Результаты и обсуждение. Системный подход к рассмотрению заявленной проблемы позволил исследовать ее в синхронии и диахронии, при этом использовались принципы диалогичности, дискурсивности и контекстуальности. Представлен длительный путь Тургенева от западника к русскому европейцу. Первые его попытки «внедриться» в европейское общество были не вполне удачными и принесли ему разочарование. Зато успешной была его переводческая деятельность с целью продвижения русской литературы во Францию. И только после публикации «Записок охотника» и романа «Рудин» на французском и немецком языках Тургенев приобретает на Западе известность. Участие писателя в обедах «освистанных драматургов» явилось признанием его русскости и европеизма одновременно: он органично вливался в круг французской литературной элиты, сохраняя при этом свою особую позицию, обусловленную русской ментальностью. Постепенно Тургенев становится все более «своим» как для Флобера, так и для поколения «детей» (Э. Золя, А. Доде, Ги де Мопассана), которые видели в нем друга, литературного наставника, даже учителя.

В заключительной части исследования представлены анализ художественных произведений Тургенева, типологии героев, соотносимых с понятиями «западник» и «русский европеец» (повесть «Ася», романы «Рудин», «Накануне», «Дым»). Таким образом, Тургенев является классическим русским европейцем: он соединяет всей своей деятельностью и творчеством две культуры, стремится к включению России в обще-европейскую семью, а с другой стороны, способствует знакомству Европы с достижениями русской культуры.

Заключение. Материал статьи может быть использован в деятельности ученых (филологов и культурологов), преподавателей и школьных учителей для расширения представления о русском писателе и его вкладе во взаимодействие, взаимопроникновение и взаимообогащение двух культур – России и Европы.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, западник, русский европеец, межкультурный трансфер, переводческая и общественная деятельность, французские литераторы, художественное творчество, типы русских европейцев.

Введение

На многочисленных юбилейных конференциях, посвященных 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева, широко дискутировалась тема о европеизме великого русского писателя. Она рассматривалась с разных позиций: биографической, историографической, политической, философской, культурологической. В контексте этих дискуссий, мы, как их участники, излагаем свою концепцию данной проблемы, учитывая при этом научные труды последних лет [1–7].

Понятие «русский европеец» стало появляться в русской культуре с середины XIX в. для обозначения исторических персонажей, участвующих в диалоге между Россией и Европой. Однако разные стороны проблемы – славянофильство и западничество, индивидуализм и соборность, изгнанничество и эмиграция – обсуждались уже значительно раньше (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, А. А. Григорьев). В сочинениях Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, К. Д. Кавелина, В. С. Соловьева был задан другой уровень ее

интерпретации: западничество и европеизм, Россия между Западом и Востоком, западные и общечеловеческие ценности.

Обзор литературы

Первым дискусионную ситуацию в постановке исследуемой проблемы создал П. Я. Чаадаев, который обозначил причины отсталости России в ее историческом движении к прогрессу: он считал, что Россия не принадлежит «ни к Западу, ни к Востоку» и не имеет «традиций ни того, ни другого» [8, с. 323]. К сожалению, первоначально мысли «Философических писем» Чаадаева (при его жизни было опубликовано только «Первое письмо» в 1831 г.) были восприняты русским образованным обществом слишком прямолинейно. В них видели отрицание самобытности и самоценности русской национальной идентичности, которую отстаивали славянофилы. Тем не менее у Чаадаева была своя правда: историю отдельного народа он впервые в русской мысли пытался рассматривать с позиций всемирно-исторического процесса.

Чаадаевскую «идею единства человечества» впоследствии убедительно объяснил Аполлон Григорьев, который пытался примирить славянофилов и западников [9, с. 209].

Идеи Чаадаева получили развитие в лекциях по истории западноевропейского Средневековья Т. Н. Грановского [10], которые он читал в Московском университете. Они, по существу, стали главным теоретическим обоснованием концепции западничества. Грановский приобщил русское общество к западноевропейской истории, пониманию единого эволюционного пути человечества, который должна пройти каждая страна, в том числе и Россия.

Идеи западничества И. С. Тургенев воспринял в ранней юности и «остался навсегда» им верен. Свой выбор он объяснил во вступительной заметке к «Литературным и житейским воспоминаниям» (1868) прежде всего неприятием крепостного права и насилия над человеческой личностью, которое с ним связано: «Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить» [11, т. XI, с. 8]. Вместе с тем русский писатель никогда, по его собственному высказыванию, не проводил резкой черты между Россией и Западом, Россией и Европой, относя Россию к «европейской семье» [11, т. V, с. 131].

Полемизируя со славянофилами, Тургенев задавал вопрос: «Не составляет ли наша, славянская раса – в глазах филолога, этнографа – одну из главных ветвей индогерманского племени?» [11, т. XI, с. 9]. И, словно отвечая на возражения возможных оппонентов, которые говорили об опасно-

сти влияния европейской цивилизации на российскую ментальность, вплоть до нивелирования ее самобытности, разъяснял: «Неужели же мы так мало самобытны, так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил? Я этого не полагаю...» [11, т. XI, с. 9].

Вместе с тем для Тургенева испытание «западной жизнью» было также проверкой приверженности личности к национальному миру, его языку, менталитету, системе ценностей. Это убеждение он демонстрирует на своем примере: «...преданность моя началам, выработанным западной жизнью, не помешала мне живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской речи» [11, т. XI, с. 9–10].

Приведенные мысли Тургенева во многом перекликаются с идеями писателя Н. Я. Данилевского, которые он изложил в том же 1868 г. в книге «Россия и Европа». Основатель цивилизационного подхода к истории, Данилевский признавал высокие достижения германо-романской цивилизации, которая, по его мнению, лучше всего представляла европейский мир. Вместе с тем он был противником абсолютизации европейской цивилизации; не считал ее ценности общечеловеческими, как это утверждали самые радикальные западники [12, с. 145].

Приведя причины постоянной враждебности Европы к России («завоевательное государство», «мрачная сила, враждебная свободе и прогрессу», – к сожалению, спустя 150 лет эти характеристики повторяются), Данилевский настаивал на идее самобытности России, ее вклада в мировую цивилизацию, и среди обозначенных им семи типов культуры он выделил особый славянский культурно-исторический тип. Однако на этом сходство взглядов Тургенева и Данилевского на проблему европеизма заканчивалось. Совершенно неприемлемым для Тургенева было утверждение, что Россия не принадлежит Европе «ни по праву рождения», ни «по праву усыновления» [12, с. 76]. В своей книге Данилевский выступил основателем концепции панславянизма, которая также была глубоко чужда Тургеневу [12, с. 154–155].

Применительно к Тургеневу понятие «русский европеец» при жизни писателя не употреблялось. По всей вероятности, впервые оно было употреблено в эмигрантской печати в 1933 г. Под таким названием вышла статья П. Н. Милюкова, посвященная 50-летию со дня смерти писателя [13] и опубликованная в газете «Последние новости»¹. Милюков, по сути, озвучил позицию Тургенева о

¹ Русскоязычная газета, издаваемая в Париже с 1920 по 1940 г., являлась самой популярной и влиятельной газетой русской эмиграции. С 1921 по 1941 г. ее главным редактором был П. Н. Милюков.

его европеизме и русскости, высказанную писателем в полемических письмах к А. И. Герцену в 1862 г. и в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1868 г.). Подробно понимание тургеневского европеизма в публикациях русских эмигрантов первой волны рассмотрела И. Н. Тишина [14].

Материал и методы

Для написания статьи были использованы цитируемые в статье научные труды, а также материалы юбилейных Тургеневских конференций, в которых принимали участие авторы¹.

В ходе исследования использовалась система методов: биографический, историко-литературный, историко-функциональный, культурно-исторический и сравнительно-типологический. Комплекс методов позволил рассмотреть заявленную проблему в синхронии и диахронии, используя принципы диалогичности, дискурсивности и контекстуальности. Теоретический уровень интерпретации понятия «русский европеец» экстраполировался на конкретные факты биографии и общественной деятельности И. С. Тургенева, а также его переводы и художественное творчество.

Результаты исследования

И. С. Тургенев, убежденный западник, далеко не сразу занял позицию русского европейца. С 1845 г. начинается плодотворный период его переводческой деятельности. Он стремится познакомить французского читателя с произведениями своих любимых авторов – Гоголя, Лермонтова и Пушкина – и пишет статью о русской литературе, стремясь разъяснить особенности русского литературного процесса. Замысел первых переводов (повестей Н. В. Гоголя) возник благодаря дружбе между Тургеневым и Луи Виардо, который сопровождал свою жену, знаменитую певицу, во время ее гастролей в Петербурге в сезон 1844–1845 гг. Тургенев воспользовался этим знакомством, предложив свое сотрудничество. Луи Виардо был уже в это время широко известен во Франции как переводчик «Дон-Кихота» Сервантеса.

Обширное переводческое наследие И. С. Тургенева (более 120 переводов) до сих пор мало изуче-

но, хотя этой проблеме уделяли внимание М. П. Алексеев [15], Н. В. Измайлов [16], Л. Н. Назарова [17] и др. В настоящее время ей посвящен совместный проект университета Калгари (проф. Н. Г. Жекулин) и Пушкинского дома (Н. П. Генералова, В. А. Лукина). Точно определить, с какого времени началась культурно-просветительская деятельность Тургенева как посредника между Россией и Европой, то есть русского европейца, невозможно. Вначале она была спонтанной и во многом зависела от его отношения к западному миру, которое менялось по мере вхождения писателя в европейское сообщество.

Начав в 1845 г. сотрудничество с Л. Виардо в деле «продвижения» во Францию русской классической литературы, Тургенев в 1848 г. решил переселиться во Францию, но потом передумал. Франция и французы, с которыми он познакомился накануне революции, очень его разочаровали. Письма писателя этого времени полны резких замечаний о фальшивости французов, трусости общественных деятелей во время революции и политического кризиса, разразившегося в Польше в 1848 г. Покидая Россию, он надеялся обрести во Франции общество более справедливое и либеральное, но его ожидания не оправдались.

В письме к Луи Виардо от 24 мая 1848 г. он пишет о своем разочаровании в деятелях революции 1848 г. Его возмущает речь Ламартина, в которой он говорил о Польше, игнорируя Россию (в то время Польша входила в состав Российской империи), и это, с точки зрения писателя, «подло». Вместе с тем Тургенев обескуражен бездарностью новых политиков: «И никого, никого в новом Собрании! Пустота, совершенная пустыня! Ни одного выдающегося человека, ну *ни одного!*» [11, т. I, с. 396–397]. Артистическая среда тоже разочаровывает Тургенева. Ему кажется, что французы лишены всякого художественного вкуса.

Вторая попытка найти «свой круг» во Франции, которую Тургенев предпринял в 1856 г., тоже не увенчалась успехом. В письме к С. Т. Аксакову 27 декабря 1856 г. (8 января 1857 г. – по новому стилю) он едко замечал: «Я <...> познакомился со многими здешними литераторами <...>. Я должен Вам сознаться, что все это крайне мелко, прозаично, пусто и бесталанно. Какая-то болезненная суетливость, вычурность или плоскость бессилия, крайнее непонимание всего не французского, отсутствие всякой веры, всякого убеждения, даже художественного убеждения – вот что встречается Вам, куда ни оглянетесь. <...> Критики нет; – дрянное потакание всему и всем; каждый сидит на своем коньке, на своей манере и кадит другому, чтобы и ему кадили – вот и все» [11, т. III, с. 171–172].

¹ «Тургеневские дни в Брюсселе: русские писатели за рубежом» (4–8 июля, Тургеневское общество Бенилюкса, Российский центр науки и культуры в Брюсселе); «И. С. Тургенев и мировая литература» (17–19 октября, ИМЛИ РАН, Москва); «Тургенев и русский мир» (29–31 октября, ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург); «И. С. Тургенев и мировая литература» (24–25 октября, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева); Colloque International «Ivan Tourguéniév, homme de paix» (7–10 ноября, Международный коллоквиум «Иван Тургенев – человек мира» / под патронажем ЮНЕСКО, Париж – Буживаль); «Тургенев в межкультурной коммуникации» (Международная научная конференция, РГГУ, 21–22 ноября).

Надо признать, что это очень злая критика; Тургенев не останавливается на общей характеристике и называет конкретные имена, в том числе и те, которые еще недавно вызывали его уважение. Примечательна его ироническая реплика по поводу Жорж Санд, которую очень ценили «люди сороковых годов»: «Сквозь этот мелкий гвалт и шум пробиваются, как голоса устарелых певцов, дребезжащие звуки Гюго, хилое хныканье Ламартина, болтовня зарпортованной Санд. <...> жажда золота томит всех и каждого – вот Вам Франция!» [11, т. III, с. 172].

В тот же день более общую отрицательную характеристику литературной жизни Парижа Тургенев даст и в письме к А. И. Герцену: «Я познакомился со многими здешними литераторами – бываю у г-жи д'Агу; должен сознаться, что до сих пор ни одного молодого, симпатического существа не встретил; ужасно все мелко и пусто» [11, т. III, с. 172]¹.

Негодование Тургенева было столь сильным, что, наконец, через несколько дней он повторил то же самое в письме Л. Н. Толстому 3 (15) января 1857 г.: «Французики мне не по сердцу; они, может быть, отличные солдаты и администраторы – но у всех у них в голове только один переулочек, по которому шныряют все те же, раз навсегда принятые мысли. Все не ихнее им кажется дико – и глупо» [11, т. III, с. 181].

Эта реакция Тургенева позиционирует его как «русского западника», который превозносит все достижения Европы, а потому быстро приходит в уныние от ее реальных противоречий [2, с. 7]. Возможно, неудовлетворенность Тургенева объясняется еще и тем, что его никто в Европе не знает как писателя. Собственные сочинения писателя не переводятся, за исключением плохого перевода «Записок охотника», которые Э. Шаррьер превратил в «Воспоминания русского помещика», («*Mémoires d'un seigneur russe*») в 1854 г. Как переводчик Тургенев никому не известен, поскольку его тексты выходят за подписью Л. Виардо (который совсем не знал русского языка). Тургенев создавал подстрочник, а Виардо его стилистически правил и снабжал комментариями, необходимыми для французского читателя. Другого способа опубликовать произведения русских писателей тогда не существовало: ни один французский журнал не напечатал бы переводы малоизвестных авторов, выполненные никому не известным переводчиком.

¹ Речь шла о салоне графини Мари д'Агу, в прошлом возлюбленной Ференца Листа и подруги Жорж Санд, которая вошла в литературу под псевдонимом Даниэль Стерн как автор психологических повестей, а позднее историко-мемуарных произведений.

Пройдет еще несколько лет, прежде чем Тургенев изменит свое отношение к Франции и будет вести себя как классический русский европеец. Эта характеристика лучше всего объясняет мировосприятие писателя, его «определенный образ мысли, духовный компонент личности, тип поведения» [18, с. 7]. Настоящий европеец – это человек с развитым чувством собственного достоинства. Он является «не просто потребителем западных технических усовершенствований», а сотворцом, сопроизводителем основных ценностей [19, с. 26].

«Европеец», по мысли И. В. Киреевского, органично осознает свое «участие в общей жизни просвещенного мира» [20, с. 76], сохраняя свою собственную национальную идентичность. Именно такой тип существования и был уготован Тургеневу. В силу биографических обстоятельств (и прежде всего прошедшей через всю его жизнь любви к французской певице Полине Виардо, за которой он следовал во Францию, Германию и вновь во Францию) писатель прожил почти три десятилетия за границей. Он постоянно возвращался на родину, вдохновлялся родной природой и русскими реалиями, но и за рубежом он строил дома, обустроивал свой быт на долгие годы. Ему, как никому из русских писателей, удалось в собственной судьбе соединить Россию и Европу. И в этом его исключительное место среди русских литераторов, которое хорошо уловил Д. С. Мережковский: «Тургенев – истинный европеец, одно из самых крепких и живописных звеньев той великой цепи, которая связывает нас, русских, с жизнью человечества. Он один из первых открыл удивленному Западу всю глубину, всю прелесть и силу русского духа» [21].

Тургенев в своих симпатиях к Европе долгое время колебался между и Германией и Францией [22]. Германия была студенческой родиной, с ней тесно связан его жизненный путь. Культура, искусство, философия этой страны во многом определили творчество писателя. Сам Тургенев в 1869 г. в предисловии к переводу на немецкий язык романа «Отцы и дети» признавался: «Я столь многим обязан Германии, чтобы не любить и не иметь ее как мое второе отечество» [11, т. X, с. 351].

Недовольный политикой Наполеона III и общественной жизнью Второй Империи, Тургенев в 1863 г., вместе с семейством Виардо, поселяется в Баден-Бадене, строит дом и живет там около семи лет до осени 1870 г. Однако Франко-прусская война вызывает у Тургенева сомнение в гуманизме некогда столь им любимых немцев. Поначалу он воспринимал ее как войну цивилизованной нации с варварами-французами, но разрушение Страсбурга, аннексия Лотарингии и Эльзаса очень плохо ассоциировались с представлением о стране высокой духовности, родине Гёте и Шиллера. Об этом Тур-

гениев писал П. В. Анненкову 3 (15) сентября 1870 г.: «Падение гнусной империи не изменило моих симпатий, но несколько переставило их. Теперь немцы являются завоевателями, а к завоевателям у меня сердце особенно не лежит» [11, т. X, с. 236].

Тургенев начал сочувствовать «бедной, растерзанной» Франции. В этом контексте оппозиции Германии в 1871 г. Тургенев обретает свою Францию, которая становится для него во многом родной страной. И способствует этому еще несколько факторов. На обеде в ресторанчике Маньи в 1863 г. Тургенев знакомится с Флобером, который был почти ровесником Тургенева (1821–1880) и дружба с которым только укреплялась на протяжении 17 лет [23]. Оба писателя тотчас же обнаружили свое сходство: оба были кропотливыми наблюдателями живой реальности, тонкими стилистами, художниками в полном смысле слова. Оба чувствовали взаимную потребность друг в друге, выступая в роли слушателей, читателей и критиков. Кроме того, Тургенев в 1877 г. перевел две повести Флобера из цикла «Trois contes» («Три повести»), считающихся «вершиной французской литературы» в наше время, которые обогатили его как переводчика и стали вершиной его собственного переводческого наследия.

После неудачного перевода в 1854 г. «Записок охотника» в 1858 г. выходят сразу три перевода этого сборника – К. Мармье, И. Делава и Л. Виардо (по сути автоперевод Тургенева). Затем во французских переводах появляются роман «Рудин», повести «Три встречи» и «Лишний человек». Тургенев становится известным литератором: на первом обеде «освистанных драматургов» 28 февраля 1863 г. присутствующие встретили его аплодисментами, что очень смутило писателя.

Флобер стал для Тургенева центральной фигурой в мире французской артистической среды, своего рода связующим звеном с Жорж Санд, с одной стороны, и молодой генерацией художников (среди которых Э. Золя, А. Доде, Ги де Мопассан). Русский писатель не все принимал в поисках этого поколения «детей», представителей школы, которая, по его мнению, получила во Франции «не совершенно точное название реалистической» (Предисловие <к переводу «Очерков и рассказов» Леона Кладеля>, 1868) [11, т. X, с. 358]. В особенности неприемлемым для Тургенева был позитивистский подход к изображению человека, обусловивший натуралистическую составляющую французского реализма. Однако он ценил и по-своему уважал каждого из участников «обедов пяти» (среди которых был еще и Эдмон де Гонкур, по возрасту близкий к Тургеневу и Флоберу) за талант и огромную работоспособность, а также за то, что их творчест-

ву были свойственны объективность и жизненная правда.

Участие Тургенева в обедах «освистанных драматургов» являлось, несомненно, признанием его русскости и европеизма одновременно: он органично вливался в круг французской литературной элиты, сохраняя при этом свою особую позицию, обусловленную русской ментальностью. Дневники Эдмона и Жюль Гонкуров в какой-то мере запечатлели интеграцию Тургенева во французскую культуру. Ценность этих материалов заключается в передаче непосредственных разговоров, импровизаций участников долгих непринужденных трапез. Вначале Гонкуры сосредоточивают внимание на внешности Тургенева как нового лица, его богатом росте и «певучем» русском акценте. Для них это «очаровательный колосс, нежный бело-волосый великан», похожий «на доброго старого духа гор и лесов, на Друида и на славного монаха из „Ромео и Джульетты“».

Представление о творчестве русского писателя они имеют приблизительное, потому что упоминают «Мемуары русского помещика» (так в первом французском переводе был назван цикл «Записки охотника»), «Русского Гамлета» (имея в виду «Гамлета Щигровского уезда») и некоторые другие произведения. Для них, безусловно, Тургенев – некое чужеродное существо, не похожее на них самих. Тем не менее сам Тургенев уже на первой встрече ведет себя как «русский европеец», стремящийся доказать, что русская культура достойна внимания и уважения. А русская литература, по его утверждению, «вся, от театра и до романа, идет по пути реалистического исследования жизни» [24, т. I, с. 409].

После длительного перерыва, связанного с отъездом Тургенева в Германию, достаточно регулярные встречи и систематические описания обедов, на которых присутствует русский писатель, возобновляются со 2 марта 1872 г. Эдмон де Гонкур (теперь уже один, поскольку Жюль умер в 1870 г.) вновь подчеркивает его огромный рост, «детскую болтовню», которой он «обольщает» всех «соединением наивности и лукавства, – в этом все обаяние славянской расы» [24, т. II, с. 151].

Поначалу французы видят в нем «чужака», представителя той нации, которая со времен Астольфа де Кюстина воспринималась как варварская. Тем не менее вначале Эдмон де Гонкур отмечает ум, огромный кругозор и обаяние этого «кроткого великана, любезного варвара с седой шевелюрой, ниспадающей на глаза» [24, т. II, с. 151]. Постепенно Тургенев становится все более «своим», понятным, интересным и необходимым как для Флобера – самого выдающегося французского прозаика второй половины XIX в., так и для поколения

«детей» (Э. Золя, А. Доде, Ги де Мопассана), которые видели в нем друга, литературного наставника, Учителя с большой буквы.

Если попытаться дать самое емкое определение позиции Тургенева-русского европейца, то это – его стремление к соединению двух культур: к включению России в общеевропейскую семью и, с другой стороны, – к ознакомлению Европы с достижениями русской культуры. Одним из сквозных «русских» вопросов становится идея неприятия крепостничества в России. И эта позиция, несомненно, сближала Тургенева с представителями французской творческой интеллигенции, которая увидела, что богатый русский помещик может осуждать политико-экономическую систему своей страны.

Э. де Гонкур 2 марта 1872 г. записывает следующее признание Тургенева: «Будь я человеком тщеславным, я попросил бы, чтобы на моей могиле написали лишь одно: что моя книга содействовала освобождению крепостных» [24, т. II, с. 151–152]. Он рассказал присутствующим, что чтение его книги было одной из главных причин, побудивших Александра II, по его собственному признанию, принять это решение [24, т. II, с. 152]. И слова Тургенева нельзя считать преувеличением. Оксфордский университет, удостоивая его в 1879 г. *honoris causa* – степени доктора гражданского права, оценивал то огромное воздействие, которое «Записки охотника» оказали на действующее тогда российское законодательство, закрепляющее крепостное право.

Вместе с тем Тургенев далек от идеализации монарха. Он сообщает 21 ноября 1875 г., что тот никогда не читал «ничего печатного». «Когда у него появляется желание прочесть какую-нибудь книгу или газетную статью, ему ее переписывают красивым канцелярским почерком роно» [24, т. II, с. 210].

В дневниковых записях Э. де Гонкура сквозит явное удивление позицией русского барина, который видит в крестьянах интересных собеседников. [24, т. II, с. 275]. При этом Тургенев энергично возражает на замечание Гонкура о том, что беседы с ними должны ему быть скучными. Он убежденно говорит, что «нимало не скучны»: «напротив, можно только удивляться тому, как много узнаешь от этих людей, темных, невежественных, но постоянно и сосредоточенно размышляющих в своем уединении» [24, т. II, с. 275].

И. С. Тургенев много рассказывал об особенностях и красоте русской природы, необходимой ему для творчества. Он признается 5 мая 1876 г.: «Мне для работы нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, *жгучий* мороз, когда деревья покрыты кристалликами инея... Вот тогда... Однако еще луч-

ше мне работается осенью, в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина...» [24, т. II, с. 231]. Тургенев «поэтизировал» холод, который так пугал иностранцев. Сам русский писатель в восприятии французского литератора предстает настоящим поэтом, увлеченным своим творчеством, и это не может не импонировать Гонкуру.

И. С. Тургенев 27 ноября 1876 г. вновь рассказывает о русской природе, об огромных стогах сена: «На юге России попадаются стога величиной с такой вот дом. На них поднимаешься по лесенке. Мне случалось ночевать на таком стогу. Вы не можете себе представить, какое у нас там небо, синее-синее, густо-синее, все в крупных серебряных звездах. К полуночи поднимается волна тепла, мягкая и торжественная (я передаю подлинное выражения Тургенева), – это упоительно!» [24, т. II, с. 237]. Писатель явно очаровывает Гонкура своими поэтическими описаниями природы, которые тот старается запомнить и точно воспроизвести. Примерно в таких же выражениях реалии русской природы встречаются в переписке Тургенева и Флобера, который восхищается картинами.

Еще ранее, 3 мая 1873 г., на обеде в присутствии Жорж Санд Тургенев предается воспоминаниям о детстве и юности, когда природа выступала врачомателем, становилась источником его поэтического восприятия мира: «Он говорит затем о сладостных часах своей юности, о часах, когда, растянувшись на траве, он вслушивался в шорохи земли, о настороженной чуткости к окружающему, когда он всем своим существом уходил в мечтательное созерцание природы, – это состояние не описать словами» [24, т. II, с. 168].

Эти рассказы о России, русской природе были, несомненно, интересными и запоминающимися для французских слушателей, поскольку отклики о них оставили и Г. Флобер, и Жорж Санд, и А. Доде [23, с. 312–364].

Вместе с тем разговор о России не мог состояться без характеристики ее литературной жизни. Это очень важная тема для Тургенева как русского европейца, к которой он обращался почти на каждой из встреч, поступая как просветитель, стремящийся приобщить французов, почти ничего не знающих о других культурах, к достижениям русской литературы. Он совершенно справедливо говорит о значимости периодики для отечественной культуры. Стоит вспомнить значение «Отечественных записок», «Современника», «Вестника Европы» и многих других изданий, на страницах которых не только печатались самые значительные произведения русской словесности, но и формировалась общественная позиция, зачастую оппозиционная официальной. Тургенев сообщает,

что «русская публика большая любительница журналов».

В особенности увлеченно писатель рассказывает о Пушкине, ему важно показать, что в России начался «золотой век» в развитии культуры. Хорошо известно, что Пушкин занимал особое место в творческом наследии Тургенева, являясь, пожалуй, его самым любимым отечественным писателем. В статье «О современной русской литературе», опубликованной на французском языке (1845), Тургенев утверждал, что «истинно национальная литература в России началась лишь с Александра Пушкина» [11, т. XII, с. 510].

Высокую оценку Пушкина Тургенев сохранял на протяжении всей жизни. И 22 марта 1872 г. на обеде у Э. де Гонкура в компании с Г. Флобером он признается, что «когда ему грустно, когда у него дурное настроение, двадцать стихов Пушкина спасают его от меланхолии, вливают в него бодрость, будоражат. Они приводят его в состояние восхищенного умиления, которого не может у него вызвать никакое великое и благородное деяние» [24, т. II, с. 154].

Однако, стремясь к сближению двух культур, Тургенев участвует и в обсуждении французской литературы, считая себя, по-видимому, вправе высказать не вполне лицеприятное мнение о некоторых ее представителях. 21 февраля 1876 г. он становится активным участником спора о Шатобриане. Присутствующие с удивлением узнают, что «в России, в Англии, в Германии – Шатобриан не оценен по достоинству; его превосходная поэтическая проза, мать и кормилица всей современной красочной прозы, не пользуется там ни малейшим успехом» [24, т. II, с. 224]. Начался яростный спор, который длился «с семи вечера до часу ночи», о чем позднее Э. Золя посчитал нужным написать в очерке «Гюстав Флобер». Г. Флобер и А. Доде защищали Шатобриана, И. С. Тургенев и Э. Золя высказывались против [25, с. 485].

В другой раз (25 января 1875 г.) речь заходит об Ипполите Тэне. Тургенев высказывает еще одно неожиданное замечание: «Это будет не слишком изысканное сравнение, но все же позвольте мне, господа, сравнить Тэна с одной охотничьей собакой, которая была у меня когда-то: она шла по следу, делала стойку, великолепно проделывала все маневры охотничьей собаки, и только одного ей не хватало – нюха. Мне пришлось ее продать» [24, т. II, с. 193]. Эта несколько ироническая характеристика связана с убеждением Тургенева в отсутствии действенной критики во Франции. Вполне понятно, что идеалом критика для Тургенева был В. Г. Белинский, «пламенный Виссарион», который мог своими страстными прозрениями покорить, убедить, увлечь и повлиять на формирование

умов целого поколения. И эта оценка перекликается с мнением Флобера, который сетовал на то, что ранее во Франции критики были грамматистами (Лагарп), а сейчас – историками (Сент-Бёв и Тэн). Флоберу также не доставало художественного начала в критике, которое он обрел в Тургеневе.

Вместе с тем Тургенев – русский европеец, воспринимая литературу как явление всемирное, не мог оставаться в рамках одной или даже двух культур. Он чувствует настоятельную потребность приобщить к шедеврам мировой словесности своих друзей. При этом не изменяет своего мнения о некоторой ограниченности французов, не знающих ничего (или очень мало) за пределами собственной культуры, однако считает своим долгом поделиться с ними своим пониманием прекрасного. На обеде 2 марта 1872 г. Тургенев энергично восхищается Аристофаном, «этим отцом смеха, самой способностью вызывать смех, которую он ставит очень высоко и которой, по его мнению, обладают лишь два-три человека в мире» [24, т. II, с. 152].

«Всемирная отзывчивость» Тургенева выразится и в толковании поэм Гёте «Прометей» и «Сатир». Он анализирует немецкие тексты вдохновенно, импровизируя, воздействуя на слушателей суггестивно. Русский писатель через всю жизнь пронес любовь к Гёте, одну из «Римских элегий» которого он перевел еще в юности. На обеде у Флобера 21 марта 1875 г. Гонкур замечает: «В этом переводе, где Тургенев старается передать выраженный словами трепет молодой жизни, меня изумляет непринужденность и вместе с тем смелость оборотов речи» [24, т. II, с. 202].

Восторженное описание этой импровизации Тургенева оставил и Альфонс Доде. На него, как на молодого автора, она произвела неизгладимое впечатление:

«Разговор зашел о Гете, и Тургенев сказал нам: „Вы его не знаете“. В следующее воскресенье он принес нам „Прометей“ и „Сатира“ – драматическую поэму, вольтерьянскую, кошунственную, бунтарскую. Парк Монсо радовал нас веселыми детскими голосами, ярким солнечным светом, свежестью политых цветов и деревьев, и мы четверо – Гонкур, Золя, Флобер и я, – взволнованные этой величественной импровизацией, внимали гению, переводившему гения. Этот человек, столь робкий, с пером в руке, стоял перед нами как дерзновенный поэт, и мы слышали не лживый перевод, который засушивает и мумифицирует, – сам Гете ожил и разговаривал с нами» [26, с. 314].

Очень интересным было размышление Тургенева о разнице между национальными ментальностями на обеде у Флобера 5 марта 1876 г. Прямбулой к сравнению между русскими и французами в психологическом плане послужила пьеса Эмиля Ожье

(Augier) «Madame Caverlet», увиденная им накануне. Гонкур записал целую сцену, передающую взволнованную речь, мучительные раздумья Тургенева, наконец, диалог с присутствующими: «Никогда еще я не видел так ясно, как вчера, насколько различны человеческие расы... <...> вчера, на представлении „Госпожи Каверле“, когда я услышал со сцены, как молодой человек говорит любовнику своей матери, обнявшему его сестру: „Я запрещаю вам целовать эту девушку...“, во мне шевельнулось возмущение! И если бы в зале находилось пятьсот русских, все они почувствовали бы то же самое возмущение. Однако, насколько я заметил, ни у Флобера, ни у кого из сидевших со мной в ложе не возникло такого чувства!.. И я об этом раздумывал всю ночь. Да, вы люди латинской расы, в вас еще жив дух римлян с их преклонением перед священным правом; словом, вы люди закона... А мы не таковы...». Гонкур подсказал Тургеневу нужное слово, которым он охарактеризовал русских людей:

«— Более человеческие!

— Да, именно! — подтверждает он. — Мы менее связаны условностями, мы более человеческие люди!» [24, т. II, с. 225–226].

Гонкуру замечательно удалось передать этот процесс поиска нужного слова, точной формулировки, которую нашел Тургенев. А 27 ноября 1876 г. он рассуждал о психологических особенностях немцев, опять в сравнении с русскими: «Тургенев говорил сегодня вечером, что из всех европейских народов немцы наименее тонко чувствуют искусство — за исключением музыки — и что в каком-нибудь насквозь условном, глупом и неправдоподобном вымысле, который заставил бы нас отбросить книгу прочь, они видят прелесть исправления действительности в сторону ее совершенствования». А русский народ, по выражению Тургенева, «хоть и склонен ко лжи, как всякий народ, долгое время пребывавший в рабстве, но в искусстве ценит жизненную правду» [24, т. II, с. 237].

Одной из самых важных тем, которая проходит через многие встречи, становится размышление о любви. Тургенев предстает певцом любви, верным рыцарем прекрасной дамы. Речь о любви заходит очень часто, и писатель рассказывает несколько историй чувственной любви в своей жизни, две из которых вырезаны по цензурным соображениям в русском переводе «Дневников». Однако и в этом чувстве присутствует особенность русской ментальности. Устраивая 4 мая 1877 г. обед перед отъездом в Россию, Тургенев очень ясно выразил свое несогласие с французскими собратьями по перу, которые в любви видели в основном «плотскую близость». Он смутил всех присутствующих своими словами о том, что «любовь — чувство совер-

шенно особой окраски», «что всякий, кто по-настоящему влюблен, полностью отрекается от себя». Гонкур записывает: «Тургенев говорит о совершенно необыкновенном ощущении наполненности сердца. Он говорит о глазах первой любимой им женщины, как о чем-то совершенно неземном...» [24, т. II, с. 251]. И он вынужден признаться, что ни Флобер, ни Золя, ни он сам никогда не испытывали ничего подобного.

В общении с Г. Флобером, Ж. Санд, Э. Золя, А. Доде, Ги де Мопассаном Тургенев — русский европеец — выступает в многообразных творческих ипостасях. В разных ситуациях он может быть вдумчивым читателем, слушателем, критиком, переводчиком, всегда оставаясь при этом альтруистом и просветителем. Можно специально говорить о способах, которые Тургенев придумывал для оказания конкретной финансовой помощи Флоберу и Золя, поскольку он не мог смириться с нуждой, в которой пребывали талантливые литераторы. Отдельного разговора заслуживает и его помощь в публикации произведений многих французских авторов в России.

В целом именно Тургеневу, первому из русских писателей, во многом удалось разрушить во Франции стереотип восприятия России как страны варварства и насилия.

В художественном творчестве писателя концепция европеизма и русскости воплощена, разумеется, не так конкретно, определенно и полно, как в его личном поведении, переводческой и культурно-просветительской деятельности. В его художественном дискурсе становление личности героев мотивируется их воспитанием, происхождением, бытом, исторической эпохой, образом мыслей и жизни. Поэтому уместно рассмотреть несколько типов русских европейцев, созданных писателем.

Один из них появляется в повести «Ася» (1857). Это и главный герой Гагин, и рассказчик, господин N. Первое, что сближает этих персонажей с европейцами, — это их «самостояние»; они чувствуют себя органично в природном и культурном пространстве Европы, поскольку образованы, знают языки, европейскую литературу и искусства. Автор представляет типы русских европейцев, путешествующих за границей. Чужое пространство стало для господина N. пространством интимным, в нем зарождается первое глубокое чувство любви. Повесть наполнена музыкой, поэзией, она рождается из чудесных пейзажей, запахов и ароматов, немецкого романтизма, в мир которого погружены герои.

Создавая словесный портрет Гагина, Тургенев подчеркивает его ментальность: «русская душа, правдивая, честная, простая»; но одновременно отмечает и его славянскую вялость и отсутствие целеустремленности и силы воли [11, т. V, с. 160].

Таких типов русских европейцев во времена Тургенева было много, и в настоящее время их очень много. Но они всего лишь путешественники, наблюдатели чужой жизни. Их пребывание в Европе сугубо личное и никак не отражается на общественной и культурной жизни России.

Совсем другим типом является Рудин, герой одноименного романа. Он учился в Германии, глубоко проникся поэзией, идеями немецкого романтизма и европейского Просвещения, которые с неиссякаемым энтузиазмом пытается «пересадить» на русскую почву. Однако все его знания, идеи, подвижничество оказываются не востребованными. Это во многом объясняется отсутствием у него практических навыков, знания жизни современной ему России. Рудин постоянно терпит неудачи, он растрчивает свою жизненную энергию на неосуществленные проекты. Это тип русского скитальца, Вечный Жид, как сам герой себя называет. Однако Рудин наделен яркими положительными качествами: он пропагандист, обладающий искусством красноречия, способный зажечь, увлечь за собой молодых людей, сердца которых «пока для чести живы».

Вся душевная энергия Рудина направлена на совершенствование общественной жизни, к чему стремятся лучшие умы просвещенной Европы. Он способен заразить своими мыслями и гражданскими чувствами других: «Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие. Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чем шла речь; но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди» [11, т. V, с. 229].

Весьма показательна смерть героя с красным знаменем на баррикадах Парижа в 1848 г. Не сумев реализовать себя на родине, Рудин борется за права и свободы французов вместе с рабочими и ремесленниками. Тургенев любил своего героя. Несмотря на непрактичность и чудаковатость, он – натура возвышенная, способная отдать свою жизнь ради высоких идеалов свободы и справедливости. И это характерная особенность русского человека, которую очень хорошо чувствовал и понимал автор. Русским героическим натурам недостаточно «малых дел», они не принимают европейского филистерства и всегда жаждут «дел великих».

Подобный тип характера Тургенев еще более последовательно воплотил в романе «Накануне», в нем героической натурой является Елена Стахова. Из всех своих претендентов на руку и сердце она выбирает болгарина Дмитрия Инсарова, потому что он возвышается над другими ее поклонниками служением высокой цели – борьбе за освобождение своей родины от власти Турции. Перед нами

новый тип тургеневской девушки, которая вместе со своим мужем отправляется в Европу освободить свою новую родину и готова отдать за ее свободу жизнь.

И. С. Тургенев наблюдал в реальной русской жизни таких соотечественниц, которые активно участвовали в общеевропейских исторических и культурных событиях. Здесь уместно вспомнить близкого друга Тургенева – баронессу Юлию Петровну Вревскую, – она в реальной жизни воплотила подвиг Елены Стаховой. С начала Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии в 1877 г. она на собственные средства снарядила санитарный отряд и отправилась в действующую армию сестрой милосердия. Жизнь ее оборвалась трагически: Юлия Петровна умерла 5 февраля 1878 г., заболев тяжелой формой сыпного тифа. Тургенев тяжело переживал ее смерть, восхищался ее героизмом и посвятил ей свое известное стихотворение в прозе «Памяти Вревской» (сентябрь 1878).

Среди тургеневских героев – русских европейцев, наряду с высокими героическими натурами, мы встречаем натуры обыкновенные, но способные на русской почве внедрять европейские достижения цивилизации и технологии. Примером такого типа является герой романа Тургенева «Дым» Григорий Литвинов, перенимающий в Европе новые знания, главным образом в области агрономии, которые он впоследствии реализует в своей практической деятельности на родине.

Литвинова нельзя назвать ни идеологом, ни теоретиком, он не участвует в яростных спорах русского «курортного общества» в Баден-Бадене, но именно ему, человеку с трезвой головой и чутким сердцем отведена роль наблюдателя и арбитра этих споров. Он тонко чувствует фальшь, «чад и дым» этих бесплодных словесных баталий славянофильствующих соотечественников в центре Европы в «кружке» Губарева. Некоторые из них являются своеобразными литературными карикатурами. Очевидно сближение некоторых персонажей баденского общества с сатирическими персонажами комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [27]. Не став в Европе европейцами, главные персонажи этого «кружка» – Губарев и Бамбаев – в конце романа лишаются и всякой русской привлекательности. Бамбаев предстает жалким шутком, а Губарев – самодуром-крепостником, который презрительно говорит о собственном народе, своих соотечественниках: «– Бить их надо, вот что, по мордам бить вот им какую свободу – в зубы...» [11, т. VII, с. 403].

В чем-то похож на Литвинова, человека, приближенного к почве, и герой романа «Дворянское гнездо» Федор Лаврецкий. Он, в отличие от Литвинова, не получил европейского образования, но путешествовал по Европе, подолгу жил в Париже,

познакомился с французской культурой и литературой, регулярно читал парижские периодические издания. И вернулся на родину, чтобы также заниматься практическим делом, то есть, как он сам выразился, «пахать землю... и стараться как можно лучше ее пахать» [11, т. VI, с. 102]. Подобно Литвинову, Лаврецкий успешно проходит испытание на русскость в идейном споре со своим идеологическим противником Владимиром Паншиным. Внешне этот спор может прочитываться как символический поединок славянофила и западника. Однако западничество Паншина очень схематичное.

Тургенев не считал настоящими европейцами тех русских людей, которые слепо перенимают западные ценности, не учитывая национальную специфику, российскую ментальность. Поэтому русский европеец у Тургенева – это человек, органично сочетающий в себе западничество и русскость. Но таких персонажей у Тургенева, как и в реальности, не так много. Чаще всего эти их качества представлены раздельно либо в сниженном или гипертрофированном виде. Так, в романе «Дым» Тургенев изображает любопытный тип русского западника Созонта Ивановича Потугина. По менталитету и поведению – он русский человек, который впервые очутился на Западе. Вместе с тем по своим взглядам, мировоззрению он – убежденный западник, отвергающий всякое славянофильство как заигрывание образованного русского человека с необразованным мужиком. Он иллюстрирует свою концепцию Литвинову, нарисовав следующую словесную картину: «Образованный человек стоит перед мужиком и кланяется ему низко: вылечи, мол, меня, батюшка-мужичок, я пропадаю от болести; а мужик в свою очередь низко кланяется образованному человеку: научи, мол, меня, батюшка-барин, я пропадаю от темноты. Ну, и, разумеется, оба ни с места» [11, т. VII, с. 273].

Выход из этого тупика Потугин видит в необходимости признать, что нужно перенимать достиже-

ния прогресса у «старших братьев», как он называет европейцев, которые, по его мнению, все «придумали и лучше нас и прежде нас». Но, в отличие от Паншина, он считает, что переносить на русскую почву нужно лишь то, что соответствует «местным и климатическим и прочим условиям», потреблять ту «пищу», которую может переварить «народный желудок» [11, т. VII, с. 273]. Называя себя западником, Потугин, по существу, повторяет слова самого Тургенева, который в уже цитируемых «Литературных воспоминаниях» объясняет сущность своей западнической позиции: «Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, – цивилизации, – да, да, это слово еще лучше, – и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет» [11, т. VII, с. 275].

Вместе с тем западника Потугина никак нельзя назвать русским европейцем, и в этом его существенное отличие от автора романа, для которого русский европеец не просто потребитель достижений европейской цивилизации, но в определенной мере и их создатель. Таким уникальным русским европейцем и был Тургенев, который внес огромный вклад как в русскую, так и европейскую культуру.

Россия не может жить изолированно без Европы, но и европейский дом не будет достроен без участия России. В этом смысле весьма убедительна мысль французского историка и философа Реми Брага, высказанная им в книге «Европа. Римский путь»: «Европа не должна представлять себя в качестве образца. Напротив, она должна ставить перед собой, как и перед всем миром, задачу европеизации. <...> Европу невозможно унаследовать, напротив, каждый должен сам ее завоевать» [28]. И это хорошо понимал и всей своей жизнью и творчеством подтвердил Иван Тургенев.

Список литературы

1. Кантор В. К. Феномен русского европейца. Культурфилософские очерки. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 384 с.
2. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН. 2001. 697 с.
3. Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2003. 583 с.
4. Bourmeyster A. Tourguéniev, l'Européen, d'après sa correspondance // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. № 26. Paris, 2002. P. 97–110.
5. Карантаева И. Л. Историко-культурные основания и содержание концепта «русский европеец» (на материалах биографии и эпистолярия И. С. Тургенева): дис. ... канд. культурологии. Кострома, 2010.
6. Баженова Т. П. Европеизация русской культуры: сущность и особенности: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тамбов, 2005.
7. Кузьмина М. Д. «Былое и думы» А. И. Герцена: проблема русского европеизма: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
8. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. 1. 801 с.
9. Григорьев Ап. А. Западничество в русской литературе. Причины происхождения его и силы. 1836–1851 // Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. 496 с.

10. Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья / сост. С. А. Асиновская. М., 1987. 432 с.
11. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Письма: в 18 т. М.: Наука. Соч. Т. XI. 1983.
12. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / составление и комментарии А. В. Белова; отв. ред. О. А. Платонов. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
13. Милоков П. Н. Русский европеец // Последние новости. 1933. № 4547.
14. Тишина И. Н. Европеизм И. С. Тургенева в оценке деятелей культуры русской эмиграции первой волны // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 5А. С. 500–509.
15. Алексеев М. П. И. С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе // Труды Отдела новой русской литературы (Ин-т литературы – Пушкинский дом АН СССР). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 39–80.
16. Измайлов Н. В. И. С. Тургенев – переводчик Пушкина на французский язык // Пушкин: исследования и материалы. Л.: Наука, 1974. Т. 7. С. 185–203.
17. Назарова Л. Н. К истории творчества Тургенева 50–60-х годов. II. Тургенев и Пушкин-драматург // И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы / под ред. академика М. П. Алексеева. Орел, 1960. С. 146–158.
18. Володина Н. В. Русский европеец в творчестве Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Т. II: И. С. Тургенев и мировая литература (к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 7–23.
19. Кантор В. Русский европеец как задача России // Вестник Европы. 2001. С. 26.
20. Киреевский И. В. Деятельность XIX века // Избранные статьи / составление, вступит. статья и комментарии В. А. Котельникова. М., 1984. С. 76.
21. Мережковский Д. С. Памяти Тургенева // Театральная газета. 1893. 22 августа. № 8.
22. Gortchanina Olga. L'identité culturelle d'Ivan Tourguéniev: entre la Russie et la France. Université Charles de Gaulle. Lille III, 2014. Thèse en vue de l'obtention du grade de docteur.
23. Доманский В. А., Кафанова О. Б. Художественные миры Ивана Тургенева. М.: Флинта, 2018. С. 312–331.
24. Гонкур Эдмон де и Гонкур Жюль де. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы: в 2 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 1. 711 с. Т. 2. 750 с.
25. Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. М.: Гослитиздат, 1966. Т. 25. С. 485.
26. Доде А. Тургенев // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М.: Правда, 1988. С. 309–319.
27. Доманский В. А. Литературные пародии И. С. Тургенева // Actes du colloque «Le rire de Gogol. Le rire de Tourguéniev». Paris, 2009. P. 70–76.
28. Реми Браг. Европа. Римский путь. 1993. URL: https://texts.news/sravnitelnaya-kulturologiya_1515/evropeizatsiya-dlya-vsego-60396.html (дата обращения: 28.04. 2019).

Доманский Валерий Анатольевич, доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (ул. Фучика, 15, Санкт-Петербург, Россия, 192238). E-mail: valerii_domanski@mail.ru

Кафанова Ольга Бодовна, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (ул. Фучика, 15, Санкт-Петербург, Россия, 192238). E-mail: olg_kaf@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.05.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-7-19

I. S. TURGENEV – RUSSIAN EUROPEAN: A VIEW FROM RUSSIA AND FRANCE

V. A. Domanskiy, O. B. Kafanova

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Saint Petersburg, Russian Federation

The article reveals the multifaceted activity of I. S. Turgenev as a Russian European, which is considered from different positions: biographical, social, political, philosophical, cultural.

The Aim of the paper is to interpret the Genesis of the concept of “Russian European” and its existence in Russian culture; to study the role of the writer in the Russian-European cultural transfer with the involvement of his biography, social, translation activities and artistic creativity.

Material and methods. The research methodology was carried out through the use of an integrated approach to the analysis of socio-cultural phenomena and was provided by a system of methods: biographical, historical and literary, historical and functional, cultural, historical and comparative typological.

Results and discussion. A systematic approach to the consideration of the stated problem allowed us to study it in synchrony and diachrony, using the principles of dialogicality, discursivity and contextuality. The article presents Tur-

genev's long way from the Westerner to the Russian European. His first attempt to make inroads into European society was not quite successful and brought him disappointment. On the contrary, his translation work was successful in order to promote Russian literature in France. And only after the publication of *The Hunting Sketches* and the novel *Rudin* in French and German Turgenev becomes famous in the West. The writer's participation in the dinners of "booed playwrights" was an acknowledgment of his "Russianness" and "Europeanism" at the same time: he organically joined the circle of the French literary elite, while maintaining his special position due to the Russian mentality. Gradually Turgenev becomes more and more close, "his" both for Flaubert and for the generation of "children" (E. Zola, A. Daudet, G. de Maupassant), who saw him as a friend, literary mentor, even a teacher.

The final part of the study presents an analysis of Turgenev's literary works in connection with the consideration of the typology of characters, correlated with the concept of "Westerners" and "Russian European" (the story *Asya*, the novel *Rudin*, *On the Eve*, *Smoke*).

Results and discussion. The material of the article can be used in the activities of scientists (philologists and culturalologists), teachers and school teachers to expand the understanding of the Russian writer and his contribution to the interaction of interpenetration and mutual enrichment of the two cultures – Russia and Europe.

Conclusion. Turgenev is a classic Russian European: he combines all his activities and works of two cultures, seeks to include Russia in the European family, and on the other hand, contributes to the familiarization of Europe with the achievements of national culture.

Keywords: *I. S. Turgenev, Westerner, Russian European, intercultural transfer, translation and social activities, French writers, art, types of Russian Europeans.*

References

1. Kantor V. K. *Fenomen russkogo evropeytsa. Kul'turfilosofskiy ocherki* [Phenomenon of the Russian European. Cultural and philosophical essays]. Moscow, Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond; OOO "Izdatel'skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh programm" Publ., 1999. 384 p. (in Russian).
2. Kantor V. K. *Russkiy evropeyets kak yavleniye kul'tury (filosofsko-istoricheskiy analiz)* [Russian European as a cultural phenomenon (philosophical and historical analysis)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 697 p. (in Russian).
3. Generalova N. P. *I. S. Turgenev: Rossiya i Evropa. Iz istorii russko-evropeyskikh literaturnykh i obshchestvennykh otnosheniy* [I. S. Turgenev: Russia and Europe. From the history of Russian-European literary and social relations]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2003. 583 p. (in Russian).
4. Bourmeyster A. Tourguéniev, l'Européen, d'après sa correspondance. *Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran*. № 26. Paris, 2002. Pp. 97–110.
5. Karantayeva I. L. *Istoriko-kul'turnye osnovaniya i sodержaniye kontsepta "russkiy evropeyets" (na materialakh biografii i epistolyariya I. S. Turgeneva)*. Dis. kand. kul'turologii [Historical and cultural basis and meaning of the concept "Russian European" (on the materials of biography and epistolary of I. S. Turgenev). Diss. of cand. of cultural sci.]. Kostroma, 2010 (in Russian).
6. Bazhenova T. P. *Evropeizatsiya russkoy kul'tury: sushchnost' i osobennosti*. Avtoref. dis. kand. filos. nauk [Europeanization of Russian culture: essence and features. Abstract of thesis. of cand. philos. sci.]. Tambov, 2005 (in Russian).
7. Kuz'mina M. D. *"Byloye i dumy" A. I. Gertsena: problema russkogo evropeizma. Dis. kand. filol. nauk* ["Past and thoughts" of A.I. Herzen: the problem of Russian europeism. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2007 (in Russian).
8. Chaadayev P. Ya. *Polnoye sobraniye sochineniy i izbrannye pis'ma*. T. 1 [Complete works and selected letters. Vol.1]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 801 p. (in Russian).
9. Grigor'yev Ap. A. *Zapadnichestvo v russkoy literature. Priciny proiskhozhdeniya ego i sily. 1836–1851* [Westernism in Russian literature. The causes of its origin and strength. 1836–1851]. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. 496 p. (in Russian).
10. Granovskiy T. N. *Lektsii po istorii Srednevekov'ya*. Sost. S. A. Asinovskaya [Lectures on the history of the middle ages. Ed. S. A. Asinovskaya]. Moscow, 1987. 432 p. (in Russian).
11. Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete collection of works and letters: 30 volumes. Works: 12 volumes. Letters: 18 volumes]. Moscow, Nauka Publ., Works. Vol. XI, 1983 (in Russian).
12. Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Sostavleniye i kommentarii A. V. Belova. Otv. red. O. A. Platonov. Izd. 2-e. [Compilation and comments by A. V. Belov. Ed. ed. O. A. Platonov. Edition. 2]. Moscow, Institute of Russian civilization, Blagosloveniy Publ., 2011. 816 p. (in Russian).
13. Milyukov P. N. *Russkiy evropeyets* [Russian European]. *Posledniye novosti*, 1933, no. 4547 (in Russian).
14. Tishina I. N. *Evropeizm I. S. Turgeneva v otsenke deyateley kul'tury russkoy emigratsii pervoy volny* [Europeism of I. S. Turgenev in the assessment of cultural figures of Russian emigration of the first wave]. *Kul'tura i tsivilizatsiya – Culture and Civilization*, 2017, vol. 7, no. 5A, pp. 500–509 (in Russian).
15. Alekseyev M. P. *I. S. Turgenev – propagandist russkoy literatury na Zapade* [I. S. Turgenev – propagandist of Russian literature in the West]. *Trudy Otdela novoy russkoy literatury (Institut literatury – Pushkinskiy dom AN SSSR)* [Proceedings of the Department of new Russian literature. (Institute for literature – Pushkin House of the USSR)]. Moscow; Leningrad: Publishing house of USSR Academy of Sciences Publ., 1948. Pp. 39–80 (in Russian).
16. Izmaylov N. V. *I. S. Turgenev – perevodchik Pushkina na frantsuzskiy yazyk* [I. S. Turgenev – translator of Pushkin into French]. *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. T. 7 [Pushkin: Studies and materials. Vol. 7]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. P. 185–203 (in Russian).

17. Nazarova L. N. K istorii tvorchestva Turgeneva 50–60-kh godov. II. Turgenev i Pushkin-dramaturg [To the history of Turgenev 50–60-ies. II. Turgenev and Pushkin-playwright]. *I. S. Turgenev (1818–1883–1958). Stat'i i materialy, pod redaktsiey akademika M. P. Alekseyeva* [I. S. Turgenev (1818–1883–1958). Articles and materials, edited by academician M. P. Alekseev]. Orel, 1960. P. 146–158 (in Russian).
18. Volodina N. V. Russkiy evropeyets v tvorchestve Turgeneva [Russian European in the works of Turgenev]. *I. S. Turgenev. Novye issledovaniya i materialy*. T. II. I. S. Turgenev i mirovaya literatura (K 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. S. Turgeneva) [I. S. Turgenev. New research and materials. Vol. II. I. S. Turgenev and world literature (To the 190th anniversary since the birth of I. S. Turgenev)]. Moscow; Saint-Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2011. P. 7–23 (in Russian).
19. Kantor V. Russkiy evropeyets kak zadacha Rossii [Russian European as a task of Russia]. *Vestnik Evropy*, 2001. P. 26 (in Russian).
20. Kireyevskiy I. V. Devyatnadsatyy vek [Nineteenth century]. *Izbrannye stat'i*. Sostavleniye, vstupit. stat'ya i kommentarii V. A. Kotel'nikova [Selected articles. Compilation, introductory article and comments by V. A. Kotel'nikov]. Moscow, 1984. P. 76 (in Russian).
21. Merezhkovskiy D. S. Pamyati Turgeneva [In memory of Turgenev]. *Teatral'naya gazeta*. 1893. August 22. No. 8 (in Russian).
22. Gortchanina Olga. L'identité culturelle d'Ivan Tourguéniev: entre la Russie et la France. Université Charles de Gaulle. Lille III, 2014. Thèse en vue de l'obtention du grade de docteur.
23. Domanskiy V. A., Kafanova O. B. *Khudozhestvennyye miry Ivana Turgeneva* [Art worlds of Ivan Turgenev]. Moscow, Flinta Publ., 2018. Pp. 312–331 (in Russian).
24. Gonkur E. i Zh. de. *Dnevnik. Zapiski o literaturnoy zhizni. Izbrannye stranitsy*: 2 volumes. [Journal. Notes on literary life. Selected pages: 2 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. Vol. 1. 711 p. Vol. 2. 750 p. (in Russian).
25. Zolya E. *Sobr. soch.*: v 26 t. T. 25 [The Collected works. 26 volumes. Vol. 25]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966. P. 485 (in Russian).
26. Dode A. *Turgenev. I. S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov* [I. S. Turgenev in memoirs of contemporaries]. Moscow, Pravda Publ., 1988. P. 309–319 (in Russian).
27. Domanskiy V. A. Parodies littéraires of Tourguéniev. *Actes du Colloque "Le rire de Gogol. Le rire de Tourguéniev"*. Paris, 2009. P. 70–76 (in Russian).
28. Remi Brag. *Europa. Rimskiy put'* [Europe. The Roman way]. 1993. URL: https://texts.news/sravnitel'naya-kulturologiya_1515/evropeizatsiya-dlya-vsego-60396.html (accessed 28 April 2019) (in Russian).

Domanskiy V. A., The St. Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (ul. Fuchika, 15, Saint-Petersburg, Russian Federation, 192238). E-mail: valerii_domanski@mail.ru

Kafanova O. B., The Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (ul. Fuchika, 15, Saint-Petersburg, Russian Federation, 192238). E-mail: olg_kaf@mail.ru